

В машине этот мужчина еще умудрялся сохранять мягкое выражение лица, а теперь он сделал большой шаг вперед, и его широкая ладонь ухватила Е Ли за белое запястье с силой, которую невозможно было игнорировать.

У Шу Юньли были красивые черты лица; сейчас одна половина его лица освещалась светом, а вторая тонула в тени, когда он неторопливо спросил:

— Ли-ли, куда это ты собрался?

Казалось... он разозлился еще сильнее.

Нет, стойте, как же так...

Е Ли отчетливо помнил: в книге было написано совсем не так! Утверждалось, что мелкие капризы лишь укрепляют отношения.

У-у-у, почему же так трудно успокаивать людей!

Е Ли медленно моргнул своими прозрачными персиковыми глазами, опустил белоснежную шею, попадая в поле зрения темного взгляда мужчины, и растерянno ответил:

— Я... я домой к дедушке?

Он неуверенно попытался сгладить ситуацию, глядя на Шу Юньли чистыми глазами:

— Раз господин не хочет со мной возиться, я просто уйду.

Тому, чему учили в книгах, уделено слишком мало деталей, а успокаивать людей у него никак не получается.

— Похоже, ты так и не понял, в чем был неправ.

Шу Юньли склонился, подхватил Е Ли на руки и широким шагом направился в дом, бросив бесстрастным тоном:

— Ли-ли, тебе нужно усвоить урок.

Слуги быстро ударились в бега, и во всей гостиной остались только они двое.

Следом за закрывшейся дверью воцарилась зловещая тишина.

Мяньхуатан пришел в ужас. Он спрятался в объятиях Шу Юньли, не желая, чтобы слуги глазели на него. Лишь когда они вошли в комнату, он мягко высунул голову: растрепанные прядки торчали в разные стороны на пушистой маленькой макушке.

— Я же сказал... я никуда не уйду.

Шу Юньли усадил его на диван, прижав к себе:

— Неправильно.

Е Ли отчаянно заерзал, отчаянно пытаясь сбежать: чем дольше он находился в этой атмосфере, тем сильнее чувствовал почву под ногами. Господин стал таким пугающим!

— Отпусти меня скорее!

— Ли-ли, выслушай меня как следует.

Шу Юньли пару раз шлепнул его, и Мяньхуатан тут же замер.

Его личико вспыхнуло и покраснело от смущения, казалось, оно вот-вот занеможет от жара, глаза увлажнились. Он уткнулся лицом в чужую руку, чувствуя себя невероятно обиженным — точь-в-точь маленький котенок, мягкий и жалостливый:

— Господин такой обидчик.

Выговорив это, Е Ли отвернулся, не желая смотреть на мужчину. Тон его сочился недовольством, он ужасно злился:

— Разве можно так наказывать людей!

Шу Юньли потер пальцем то место:

— Пару шлепков — и это уже наказание?

Е Ли поднял красивые большие глаза, закусил губу, а его уши покраснели еще сильнее:

— Наказание. Мне ведь больно!

— Меня еще никто никогда так не бил.

Мяньхуатан сник. Его белые и мягкие щечки, которые так легко было ущипнуть, прижались к руке, став совсем податливыми:

— Эта Бай Янь только и делала, что щипала меня, к тому же я уже не маленький ребенок, разве... разве можно так поступать?

Еще час назад в машине он уже просмотрел досье на мать и сына из семьи Бай за последние годы, однако узнал наверняка далеко не всё, с чем приходилось сталкиваться Е Ли.

— Они часто тебя били? — спросил Шу Юньли.

— Когда я был маленьким, Бай Янь напивалась и била меня. А когда я подрос, стоило ей замахнуться... я убежал.

Е Ли сердито уставился на него, а закончив говорить, попытался воззвать к здравому смыслу мужчины.

В этот момент он совершенно забыл, что изначально злиться начал вовсе не он, а Шу Юньли.

Гнев мужчины постепенно рассеялся, и в его глазах, источавших холод, осталось лишь глубокое сочувствие к человеку перед ним:

— Тебе ведь было очень больно, да?

Но от этих слов Е Ли разозлился еще сильнее. Опустив густые ресницы, он тихонько предостерег мужчину, отполз назад и забился в угол дивана. В его влажных глазах отчетливо читалось лишь одно:

— Конечно, больно! Больше... не смей меня бить.

Мрачная свирепость в глазах Шу Юньли исчезла, и стоило ему заговорить, как к нему вернулась прежняя мягкость:

— Хорошо. Но Ли-ли должен меня слушаться.

Е Ли настороженно посмотрел на него, подтащил к себе диванную подушку и превратился в растрепанного котенка:

— Как это — слушаться?

Отношение Шу Юньли по-прежнему оставалось теплым, только рука, обхватившая запястье Е

Ли, принялась нежно массировать его с удивительно приятным усилием:

— Ты можешь ввязываться в опасные дела, но я позабочусь о том, чтобы телохранители тайком защищали тебя.

И еще: впредь в таких ситуациях, как сегодня, запрещено мне лгать.

Условия звучали не слишком сурово.

Кажется, господин просто переживает за него?

Мяньхуатан наконец согласился и произнес мягким голоском:

— Ладно.

Не дожидаясь, пока Шу Юньли сканет еще что-нибудь приятное, он сам себя во всем убедил.

Поразмыслив немного, Е Ли пояснил:

— Господин, я не специально. Никто никогда мне такого не говорил, вот я и подумал, что смогу справиться сам.

Такого легкого на уступки ребенка действительно очень просто обвести вокруг пальца.

— Ли-ли все сделал правильно.

Шу Юньли опустил бесстрастные черные глаза, выдавил на пальцы целебную мазь из тюбика, лежавшего на столике, и принялся старательно втирать ее в запястье Е Ли.

Белоснежные щеки Е Ли постепенно залились розовым румянцем, и он попытался выдернуть руку:

— Не нужно.

— Врач сказал, что массаж полезен для рук, — тон Шу Юньли звучал естественно, будто иначе и быть не могло. Он крепко держал руку Е Ли, не позволяя ей сдвинуться ни на миллиметр.

Почему же от любых прикосновений господина ему становится так неловко? Несколько волн покалывания словно побежали от кончиков пальцев прямо к сердцу.

— Я и сам могу справиться.

Шу Юньли бесстрастно и спокойно произнес:

— Я хочу заботиться о тебе.

Мяньхуатан приблизился к нему своими влажными глазами, задрал личико, глядя на красивые черты лица Шу Юньли, пытаясь найти ответ:

— Я... спасибо вам, господин.

— Бай Цижань с матерью больше не появятся, — пообещал Шу Юньли.

Е Ли ошеломленно моргнул:

— Хорошо.

— И чтобы больше никаких разговоров об уходе, иначе...

Шу Юньли не договорил, но в его словах крылось слишком много подтекста. Мяньхуатан испуганно перебил его:

— Я... я понял! Больше не надо.

Что же касается какого-то там урока, знать о нем ему сейчас не хотелось от слова совсем.

У-у-у, какой позор!

Лучше бы он об этом не заикался, от одних воспоминаний становилось тошно.

Управляющий вошел с ужином, и Е Ли послушно поел.

Управляющий собрал посуду, пожелал всем спокойной ночи и удалился. Е Ли ответил ему прощальным кивком, но упорно продолжал держаться подальше от Шу Юньли.

В десять часов вечера Е Ли сидел на диване в гостиной, обхватив колени руками. Перед ним стоял планшет: подключив флешку, он просматривал свои оригинальные работы, принесшие ему награду, и мысленно настраивался на завтрашнюю поездку в университет во второй половине дня.

Шу Юньли неподалеку занимался рабочими делами.

Мяньхуатан разглядывал экран, пока его голова не поникла. Тонкие веки полуприкрылись, и вскоре он незаметно заснул прямо на диване — только поза оставалась неподвижной. Если бы не экран планшета, который автоматически погас, можно было бы подумать, что он все еще изучает рисунки.

<http://bllate.org/book/27149/3282913>